

ПУБЛИЧНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КАК АКТОРНО-СЕТЕВАЯ СБОРКА И МЕДИАЦИЯ

Е. А. Цуканов

*Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна*

Поступила в редакцию 25 февраля 2020 г.

Аннотация: проведен подробный анализ одного развернутого высказывания известного политического деятеля с учетом методологических требований акторно-сетевой теории. Высказывание было взято как нестандартный образец сложной социокультурной сборки, состоящей из множества внерамочных компонентов. Обнаружены неявные подключения лексической конструкции к историко-политическим, религиозным, семейно-бытовым и возрастным плагинам.

Ключевые слова: актор, сеть, вещь, сборка, поток, присутствие, сгущение, медиасобытие.

Abstract: a detailed analysis of one expanded statement of a well-known politician was carried out taking into account the methodological requirements of actor-network theory. The statement was taken as a non-standard sample of a complex socio-cultural assembly consisting of many non-frame components. Implicit connections of lexical design to historical-political, religious, family-household and age plugins have been discovered.

Keywords: actor, network, thing, assembly, flow, presence, thickening, media event.

Вещи гораздо сложнее...

Дж. Ло [1, 319]

Вещь многообразна...

Гегель [2, 57]

Британский социолог, представитель весьма экстравагантной акторно-сетевой теории (АСТ), Джон Ло, справедливо считает, что наука, политика и эстетика не обитают в различных сферах. Они переплетены. Их отношения пересекаются и резонируют самым неожиданным образом [1, 319–320]. К данному эклектичному положению стоит, наверное, добавить еще кое-что, чтобы формула выглядела идеально, а значит, раскрывала бы дополнительные познавательные возможности в процессе ее методологического применения для расшифровки различных явлений социальной действительности. Можно предложить расширить «список Ло» за счет технологических объектов, которым, кстати, уделяет повышенное внимание в своих разработках другой известный АСТ-исследователь, — Бруно Латур [3], а также прочих милых мелочей типа снов, погодных и климатических условий, возрастных и гендерных спецификаций, измененных состояний сознания и т.п. Они тоже, несомненно, вплетены в единый узор любой социальной группировки или ассоциации. Список легко было бы расширить до нескольких страниц, однако в рамках данной

статьи это не может быть признано уместным, хотя и Ло, и Латур выступают противниками всевозможных рамочных ограничений.

Нам импонирует и кажется весьма перспективным подход теоретиков АСТ, которые привлекают для лучшего понимания мира социального множество разнообразных сцепок контекстов и факторов, включая самые неуловимые, маргинальные и удивительные. Некоторые из них обоснованно игнорируются академической наукой. Концептуально акторно-сетевая теория продвигает следующие постулаты: окружающая нас реальность текуча и нестабильна, ее конфигурация зависит от энергии неисчислимого количества действующих в определенной локации сил по сборке достаточно непрочных и мимолетных сплетений, подключенных через длинную цепь посредников к скрытой сети источников (актеров). Обнаруженные подключения имеют самостоятельную природу и называются плагинами (от англ. *plug in*). В версии Латура это то, что постепенно созидает субъекта действия, по частям культивируя в нем компетенции. Данная реальность иллюстрируется такими привычными для всех вещами, как удостоверения личности, усвоенные субъектом общепринятые культурные клише или же ставшие обыденностью рекламные сообщения и тривиальные новости. Плагины — это то, что можно в любой момент «загрузить» из открытого информационного поля, повысив уровень собственных возможностей [4, 291]. Итак, в центре АСТ — феномен сборки, об-

рамленные сетями, плагинами и бесконечным многообразием акторов.

Примеры социокультурных сборок — танец, музыкальное произведение, городской парк, хирургическая операция, игра, дипломатические переговоры, популярная персона, компьютерный гаджет, географическая карта, сражение, судебный процесс и даже такие с виду элементарные вещи, как, скажем, дверь или форточка. Особняком здесь могут стоять лексические конструкции типа лозунгов, афоризмов, известных высказываний, имевших долгое эхо. Ключевые метафоры АСТ — присутствие, сгущение, узлы связей.

Теперь после формального утверждения перечня переплетенных и непрерывно взаимодействующих внутри любой сборки сущностей, хотелось бы поэкспериментировать на конкретном эмпирическом материале, имеющем отношение к современной медийной повестке. В качестве объекта исследования нами было выбрано загадочное высказывание-сборка президента РФ В. Путина в отношении увеличения риска ядерной войны, прозвучавшее на ежегодном международном форуме «Валдай» в октябре 2018 г. Оно имело мощный медийный резонанс по причине своей особой эмоциональности и внешней провокативности. Прочитируем его полностью: «Суть ядерной доктрины России в том, — пояснил наш Верховный главнокомандующий модератору мероприятия, — что агрессор должен знать: возмездие неизбежно, все равно он будет уничтожен. А мы, как жертва агрессии, мы, как мученики, попадем в рай, а они просто сдохнут» [5]. Фраза Путина быстро превратилась в коммуникативный мем, став на какое-то время серьезным медиасобытием. Как сложный семиотический конструкт, она требует очень пристального внимания и детального изучения средствами АСТ, в том числе и с целью снижения международной напряженности в условиях санкционного давления коллективного Запада на Российскую Федерацию.

Наш президент, обладая колоссальным опытом, по аналогии со сложным устройством, несомненно, подключен к несчетному количеству плагинов, которые делают любой его поступок или обращение привлекательным ребусом, но в то же время накладывают особую ответственность на интерпретаторов. Чтобы максимально корректно перевести путинский месседж, необходима попытка полного погружения в богатейший внутренний мир главы нашего государства. Мир, в котором таинственно функционирует оригинальный ансамбль интерферирующих в водовороте плагинов. Не претендуя на исчерпывающую глубину, все-таки попытаемся максимально деликатно разобраться в их тонком взаимодействии.

Политические плагины. Они созревали на фоне заметной интенсификации разговоров и угроз со стороны США по поводу их выхода в одностороннем порядке из договора по РСМД, заключенного на пике

холодной войны в 1987 г. М. Горбачевым и Р. Рейганом. Этот договор, как известно, сокращал арсеналы ядерного оружия среднего и меньшего радиуса действия и был направлен на снижение рисков, связанных с возможностью начала третьей (и, судя по всему, последней — из-за масштабов ущерба) в истории мировой войны. Американская сторона к октябрю 2018 г. организовала в международных средствах массовой информации широкую кампанию по дискредитации российской власти. С этой целью был сфабрикован сомнительный инфоповод, что будто бы Российская Федерация уже давно нарушает условия договора, проводя испытания крылатых ракет наземного базирования 9М729 с дальностью действия более 500 км [6]. Собственно, именно эта непрекращающаяся на протяжении нескольких лет шумиха в массмедиа, думается, и побудила Владимира Путина, в конце концов, отреагировать так хлестко и бескомпромиссно. Видимо, сработал политический плагин, к которому наш президент был, разумеется, подключен не только по линии СМИ, но и по линии спецслужб, собирающих для главы государства разведывательную информацию. Можно предположить, что нахальство обвинений со стороны Вашингтона в какой-то момент настолько перевесило терпение Верховного главнокомандующего, что у него исчерпались возможности оставаться толерантным. Это что касается доминирующего на тот момент времени политического плагина, загруженного в сознание В. Путина, однако, думается, что имелись и другие, как бы факультативные, но также выводящие из психологического равновесия. Напомним, в частности, что за день до публичного выступления национального лидера Российской Федерации на «Валдае» произошла жуткая трагедия в Керченском политехническом колледже с большим количеством жертв.

Исторические плагины. Политика — это история, происходящая у нас на глазах. Свершившиеся политические события постепенно оседают в архивы исторической памяти и могут находиться там в неактивном состоянии столетиями, впрочем, до тех пор, пока на них не появится спрос в условиях современности. У речи В. Путина на «Валдае» была особая историческая подоплека. Дело в том, что говорить так с высокой трибуны позволительно не всякому государственному лидеру. С трудом верится, чтобы глава какого-нибудь африканского или южноамериканского, или даже европейского государства заявил бы публично нечто подобное. Во-первых, не у всех стран в наличии ядерное оружие, во-вторых, у некоторых оно есть, но не в таком количестве, в-третьих, что намного важнее, не всякое государство обладает укрепленной исторически уникальной миссией, прошедшей полутысячелетнюю апробацию и сертификацию. В. Путин, очевидно, хорошо осведомлен об этой миссии, поскольку неоднократно проявлял серьезные познания родной истории. Речь идет об «изобретен-

ной» старцем Филофеем Псковским в XVI в. теории «Москва — Третий Рим» [7, 88]. Она адресовалась великому князю Василию III в качестве эффективной формулы доминирования над соперниками. Данная концепция в самом упрощенном виде выглядит так: два Рима пали (476 г. и 1453 г.), а Третий Рим — Москва — будет стоять до второго пришествия, и четвертому не бывать! Отметим, что месседж Филофея со временем превратился в своего рода политическое кредо отечественных властителей, которые часто справедливо видели себя последним оплотом попираемой повсеместно истины. Наша регулярная помощь слабым народам, страдающим под игом более сильных и наглых, стала уже притчей во языцех, и В. Путин с Сирией и Венесуэлой здесь не исключение. Наблюдая за действиями президента, иногда приходишь к выводу, что управляющий историей (в гегелевской версии [8, 64]) разум действует через него, реализуя свой потенциал. Нам кажется, что его валдайская фраза могла быть продиктована ощущением метафизического величия избранной Россией миссии стоять до конца в мире, естественно подверженном энтропии. Этот благородный посыл, к сожалению, слабо понимается на прагматическом Западе, в связи с чем прочтение смысла путинской реплики иностранной аудиторией стандартно основывается на нездоровом скепсисе.

Религиозные плагины. Из предыдущего пункта вытекает также и настороженное отношение западной общественности к религиозным интенциям, от которых эмоционально подпитывается наш президент. Запад давно утратил вкус к вере вследствие усвоения массовым сознанием в Европе и Америке постмодернистской философии разочарования в высоких метафизических ценностях и идеалах [9, 10]. Последние там чаще всего выступают как продукт тоталитарного сознания, которое отторгается эстетикой безразличия. С легкой руки теоретиков пропитанная меланхолией и ипохондрией культура торжествующего постмодерна сравнивается с засыпающей осенней мухой [10, 65–66]. Поэтому трудно даже вообразить, что думают, скажем, ультрабезразличные ко всему религиозному парижане или лондонцы о посещении В. Путиным православной монашеской республики на Афоне [11]. А между тем богослужение, в котором гарант российской Конституции участвовал, стоя на месте, принадлежавшем в прошлом императорами Византийской империи, должно, по идее, быть расшифровано как серьезная претензия на смену международного статуса России, а не игра и профанация. Мы — воскресшая Византия, только вооруженная не примитивным греческим огнем, а продвинутыми «Калибрами», «Ярсами» и «Тополями».

Семейно-бытовые плагины. Рядом с религиозными в сборном тезаурусе нашего президента располагаются плагины, связанные с его частной жизнью.

Это жена, дочери, родители. Они нечасто участвуют в политической активности В. Путина в качестве стратегического ресурса, как это принято у его зарубежных коллег, но тем не менее их роль в принятии особых решений на уровне государства может быть признана неоспоримой. В связи с валдайским высказыванием, например, по-особому раскрывается ситуация со спешным разводом президентской четы в июне 2013 г. Разумеется, это позволило, с одной стороны, обезопасить фигуру Людмилы Александровны накануне начала главных сражений за престиж, свободу и авторитет страны в обстановке накала внешнеполитических страстей (в частности, уже в следующем, 2014 г., стартовали «оранжевые» события на Украине, а параллельно сирийская эпопея); с другой — развод в определенном смысле развязал В. Путину руки в плане свободы маневра, поскольку воевать всегда проще, когда бремя родственных отношений отходит на второй план. Отсюда столь смелые выпады в адрес заокеанских поджигателей войны.

Возрастные плагины. И, наконец, не стоит сбрасывать со счетов фактор возраста президента. Он еще, несомненно, достаточно молод и свеж, сохраняет прекрасную спортивную форму, однако некая воображаемая черта, за которой все предстает в фатально эсхатологическом свете, преодолена: уже ничего не страшно, все главные свершения позади, а впереди раскрывается Вечность, в которую нужно войти торжественно. Возраст — еще один плагин, который стимулирует В. Путина занять незыблемую позицию по вопросу ядерной войны.

Несомненно, пяти выявленных плагинов недостаточно для того, чтобы объяснить вызывающее речевое поведение Верховного главнокомандующего РФ на форуме «Валдай-2018» исчерпывающим образом. Акторно-сетевая теория позволяет вести более скрупулезную регистрацию сущностей, которые Бруно Латур называет еще субъективизаторами, персонализаторами или индивидуализаторами [4, 288]. Равноценными по влиятельности на президента самостоятельными плагинами-актерами также являются его юридическое образование и рыбачьи увлечения, манера шутить и одеваться, спецслужбистский бэкграунд и часто цитируемый им Омар Хайям. Но вместе с тем и его кулинарные предпочтения, лекарства, которыми он лечится, руки его личного парикмахера, набор эксклюзивных запонок на пиджаке, ковер в кабинете, кожа, из которой сшиты сиденья пуленепробиваемого «Ауруса». Представленный ряд вещей, с нашей точки зрения, имеет очевидно медиальную природу в том смысле, который вкладывает в понятие медиа В. Савчук [12, 39]: с его точки зрения, во-первых, «все есть медиа», из чего, во-вторых, с необходимостью вытекает тезис о том, что «медиа внутри нас», и, следовательно, в-третьих, они всегда как-то опосредуют нас, тем самым лишая экзистенциальной непосредственности.

Это, в свою очередь, подвигает нашу аналитическую установку на отслеживание той работы, которую они производят внутри нас (конструкция восприятия) и вне нас (выбор и селекция воспринимаемого). Вывод напрашивается следующий: каждый вид медиа есть акциденция.

В случае с Путиным всякий раз альтернативный хор посредников-плагинов стоит за принятием решений высшего административного уровня, составляя реальную конкуренцию действующим министрам, руководителю ФСО или пресс-секретарю. Все перечисленные факторы, равно как и не вошедшие в пространство нашего исследования, являясь типичными плагинами, помогают Владимиру Путину искусно маневрировать в публичной сфере, служа одновременно и действенными инструментами медиации формируемого дискурса.

Плагины, как их трактуют поборники АСТ, при загрузке в систему в качестве дополнительного программного обеспечения, дают возможность активировать (и наблюдать) то, что не было заметно до этого в отношении той или иной уникальной сборки. Анализ показал, что некоторые плагины внешне могут и не иметь с интересующими нас современными феноменами единого хронотопа, парадоксально отстоя от них на целые эпохи и невероятные расстояния. Однако разница во временной и метрической системах координат не мешает сильно удаленным плагинам быть реальными фигурами на политической шахматной доске настолько, что еще не известно, кто на самом деле пикируется с заокеанскими «партнерами» — сам Путин или же безвестный средневековый инок с нелепым церковным именем. Причем, ситуация может складываться в еще более причудливый рисунок: ответ на суровый вызов американской военщины, по сути, исходит даже не от человека, а от неодушевленных предметов, — безмолвных и скромных модераторов нашей деятельности. Составляя летучий ассамбляж, они, по Латуру, не менее причастны к принятию ответственных решений и стимулированию того или иного поведения, чем живые субъекты [13, 37]. Не-человек чернильница, другой не-человек гусиное перо, особый жест, называемый крестным знаменем, и тысячи еще более неуловимых штрихов и деталей келейной обстановки, в которой работал монах Филофей, в сумме составляют мощнейший суппорт фразы, сказанной нашим президентом по поводу возможного применения Российской Федерацией ядерного оружия в начале XXI в. Как говорится, где Филофей, и где ядерное оружие...

Здесь, несомненно, изумляют и некоторые другие моменты: Путин о Филофее знает, а тот о нем не имеет даже приблизительного представления, хотя сражаться приходится плечом к плечу; псково-печерский старец хронологически хоть и живет в постколумбовую эпоху, вряд ли может идентифицировать на карте уже открытый Новый Свет, да и нет

еще такой карты; американские соединенные штаты изначально (как и Россия) позиционируют себя в формате Третьего Рима, отсюда их Капитолий, утопический концепт Джона Уинтропа «град на холме» [14, 101] и идущая от Алексиса Токвиля концепция национальной исключительности американцев [15].

Целый пучок противоречивых сущностей, незримо взаимодействующих друг с другом, позволяет рассматривать родившийся на форуме экстравагантный инфоповод в оптике особенного творческого приема остранения, обнаруженного В. Шкловским в произведениях Л. Толстого. Этот прием дает импульс описывать вещи окружающей нас обстановки как впервые увиденные и незнакомые благодаря смене ракурса с целью преодоления рутины и инерции восприятия. «Автоматизация, — пишет В. Шкловский, — съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны. Если целая сложная жизнь многих проходит бессознательно, то эта жизнь как бы не была. И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством <...> приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» [16, 13]. В итоге в ходе остранения рождаются неожиданные эффекты, освежающие наш профанирующий взгляд на мир: так, в темноте простой пень кажется медведем, а туман метафорически предстает в образе разлитого молока. Что касается Путина, то разве не похож он хотя бы отдаленно на архангела Гавриила в сверкающих латах в преддверии Апокалипсиса?

Возникает вопрос целесообразности подобного подхода, который заостряет внимание на реальностях мнимых и латентных, связывая в узел несвязываемое, сочетая несочетаемое, наподобие того, как в чеховском сатирическом рассказе «Два газетчика» репортеру Шлепкину примерещился детерминизм между выеденным яйцом, подрывом экономического строя и заеданием будущего. Данный рассказ традиционно считается злой и едкой иронией автора в отношении некоторых изъянов профессии журналиста, однако некоторые яркие пассажи как будто сошли со страниц латуровских сочинений. Они, в частности, прекрасно иллюстрируют эвристический минимализм акторно-сетевой теории, взыскующей онтологической достоверности: «Любишь ты широко глядеть, — пенял оптимист Шлепкин депрессивному Рыбкину, — а ты попробуй помельче плавать. Вглядись в былинку, в песчинку, в щелочку... всюду жизнь, драма, трагедия! В каждой щепке, в каждой свинье драма!» [17, 265]. Кто пробовал прочитать эту фразу серьезно, вдруг оказывался способным познать запредельную цельность бытия.

Сосредоточенное взглядывание в случайное и второстепенное сегодня стало приносить неожиданные плоды, главный из которых — открытие новой подлинности, фундированной опытом микширования абсолютно всего со всем. В этом и заключается многообещающая заявка метода-сборки АСТ, по-дзеновски радикально демонтирующего всякий автоматизм и познавательное оцепенение. В свете АСТ случай с В. Путиным свидетельствует о том, что в политике больше нет просто выброшенных на ветер слов. Слова в тисках медиа постепенно превратились в вербальные интервенции, по силе и эффективности сравнимые с применением целых армий. Прагматически это должно принуждать рейтинговых лидеров мнений к еще более перфекционистской реакции на собственный словопоток. Осознанный выбор и фильтрация исходных пресуппозиций, в сочетании с которыми итоговая «фраза-не-воробей» обязательно как-то реконфигурирует политическую конъюнктуру, — единственный способ снижения непредсказуемости глобальных раскладов и рисков. Для аналитиков политического дискурса вычисление и грамотное истолкование исходных условий и установок, содержащихся в беседах важных медиаперсон, становится ведущим фактором адекватности представляемых оценок и прогнозов.

В атмосфере переизбытка реальности, стимулируемого гипертрофией источников информации, с одной стороны, широко распространяются аллергические реакции на перманентную волатильность поступающих сведений, мультиплицирующих неопределенность, однако, с другой стороны, именно ситуация анафилактического шока, вызванного обилием информационных раздражителей в электронную эру, быть может, создает предпосылки для преодоления человеческой ограниченности. Тотальный учет и контроль микроскопических факторов и скрытых агентов влияния, участвующих в конструировании сложных социальных средоточий, культивирует надежду на постижение мира таким, каков он есть без иллюзий и робких предположений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло. — М., 2015.

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Цуканов Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ

E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

2. Гулыга А. В. Гегель / А. В. Гулыга. — М., 1994.
3. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур // Русский гуманитарный интернет-университет. — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20110530054511/http://www.i-u.ru/biblio/archive/latur_gde/ (дата обращения: 05.10.2019).
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. — М., 2014.
5. «Мы попадем в рай, а они — просто сдохнут». Что Путин рассказал на «Валдае» // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20181018/1530999011.html> (дата обращения: 08.10.2019).
6. Большаков М. Чем мешает США российская крылатая ракета 9М729? / М. Большаков // Взгляд. Деловая газета. — Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2018/12/7/954262.html> (дата обращения: 09.10.2019).
7. Корневский А. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва — Третий Рим»? / А. Корневский // Имперские мифологии. — 2001. — № 1–2. — С. 87–124.
8. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1993.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — М.; СПб., 1998.
10. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. — СПб., 2000.
11. Смирнов Д. Владимир Путин: на Афоне сохраняются нравственные устои нашего общества / Д. Смирнов // Комсомольская правда. Санкт-Петербург. — Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/26535.7/3552018/> (дата обращения: 10.10.2019).
12. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности / В. В. Савчук. — СПб., 2014.
13. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 / В. Вахштайн // Логос. Философско-литературный журнал. — 2017. — № 2. — Т. 27. — С. 1–48.
14. Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США / Э. Я. Баталов. — М., 1982.
15. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. — М., 1992.
16. Шкловский В. О теории прозы / В. Шкловский. — М., 1929.
17. Чехов А. П. Два газетчика. Неправдоподобный рассказ / А. П. Чехов // Собрание сочинений: в 12 т. — М., 1961. — Т. 3.

*Graduate School of Printing and Media Technologies, St. Petersburg University of Industrial Technology and Design
Tsukanov E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Media Technologies Department
E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru*